

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XVII — НАЧАЛА XX в. В МОНГОЛИИ И ИХ ЗАПИСКИ	17
Глава II	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ МОНГОЛЬСКИХ ХАНСТВ XVII в.	39
Глава III	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА XVII—XVIII вв.	54
Глава IV	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВЕ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ (ХАЛХИ) ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРИИ ЦИН (XVIII — НАЧАЛО XX в.)	80
§ 1. Система власти и управления.....	81
§ 2. Правовой статус монгольской буддийской церкви и духовенства	93
§ 3. Налоги, сборы и повинности	102
§ 4. Правовое регулирование экономических отношений.....	120
§ 5. Семейные и наследственные правоотношения.....	135
§ 6. Преступления и наказания.....	144
§ 7. Суд и процесс	152
Глава V	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЮЖНОЙ (ВНУТРЕННЕЙ) МОНГОЛИИ.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	182

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	187
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	188
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	217
Приложение I	
ХРОНОЛОГИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ В МОНГОЛИЮ.....	218
Приложение II	
КТО ЕСТЬ КТО (библиографический справочник).....	229
Приложение III	
ГЛОССАРИЙ.....	330

Монгольское право интересно, прежде всего, само по себе, как проявление правового творчества народа, оставившего заметный след в истории народов двух частей света — Азии и Европы. Кроме того, монгольское право интересно также и как материал для социологического и сравнительно-правового изучения.

В.А. Рязановский

ВВЕДЕНИЕ

Научный интерес к Монголии возник в России еще в первой половине XVIII в. и немного позднее на Западе, причем уже самые ранние исследователи уделяли значительное внимание вопросам монгольской государственности и права. Однако изучены эти аспекты крайне неравномерно, что четко отражено, в частности, в обзорных трудах по традиционному монгольскому праву, периодически появляющихся с начала XX в. и до нашего времени¹.

Наибольшим вниманием таких исследователей пользуется эпоха Монгольской империи Чингис-хана и его преемников, а также приписываемый основателю империи «свод законов», известный под названием «Великой Ясу», который исследователи уже в течение нескольких веков безуспешно пытаются «реконструировать»². Следующий период развития монгольской государственности и права, привлекающий внимание исследователей, — период XVII—XVIII вв., и это напрямую связано с тем, что именно к нему относятся крупные монгольские кодификации, созданные в это время — «Восемнадцать степных законов» (конец XVI — первая треть XVII в.), ойратское «Ве-

¹ См.: *Гурлянд Я.И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1904; *Рязановский В.А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931; *Ванчикова Ц.П.* Монгольские правовые памятники и история их изучения // Мункуевские чтения-2: Материалы междунар. науч.-практич. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2004. Ч. 1. С. 23–36; *Дудин П.Н.* Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII — начало XX в.) // Право. Журн. Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 21–36; *Дугарова С.Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII — начало XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016.

² В специальной работе нам уже приходилось обращать внимание на то, что ни один средневековый исторический источник не дает оснований считать Великую Ясу именно монгольской имперской кодификацией, позволяя, скорее, говорить о ней как о некоей совокупности норм различного происхождения, обеспечивавших функционирование имперских институтов и поддержание правопорядка в Монгольской империи, см.: *Pochekaev R.Yu.* Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th–14th Centuries: Legal Code or an Ideal “Law and Order” // *The Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4. No. 4. P. 724–733.

ликое уложение» («Их Цааз», 1640 г.), «Свод законов Халхи» («Халха Джирум», 1709–1770 гг.) и примыкающее к ним «Монгольское уложение» («Цааджин бичиг, 1627–1694 гг.), созданное маньчжурскими властями для своих монгольских вассалов³. Именно на их основе большинство специалистов, обращающихся к проблемам развития монгольской традиционной государственности и права, формируют представление о монгольской системе власти и управления, нормах и принципах регулирования различных сфер правоотношений, монгольской правовой терминологии⁴.

В значительно меньшей степени оказались востребованы для исследователей другие правовые памятники Монголии постимперского периода, также уже введенные в оборот — «Уложение» Алтан-хана, правителя южно-монгольской области Тумэт, 1577 г. и «Закон о десяти добродетелях», созданный тогда же внучатым племянником этого хана — Хутуктай-Сэчен-хунтайджи, правителем Ордоса, а также приписываемый последнему религиозно-политико-право-

³ Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер. с монг., коммент. и исслед. А.Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002; Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С.Д. Дылыкова М., 1981; Халха Джирум: Памятник монгольского феодального права XVIII в. / пер. Ц. Жамцарано, ред., введ. и примеч. С.Д. Дылыкова. М.: Наука, 1965; Цааджин бичиг. Цинское законодательство для монголов 1627–1694 / пер., введ. и коммент. С.Д. Дылыкова. М.: Наука, 1998.

⁴ См., напр.: *Леонтович Ф.И.* К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса: Типография Г. Ульриха, 1879; *Голстунский К.Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880; *Насилов А.Д.* Административное и военное право монголов в XVII веке // Владимирцовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. II Всесоюзная конференция монголоведов. М.: Наука, 1989. С. 34–36; *Он же.* Процессуальное право монголов в XVII в. // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. С. 25–40; *Пюрбеев Г.Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Эйдос, 2012; *Кадырбаев А.Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казаками в эпоху Цин // *Mongolica-XVII*. 2016. С. 30–34; *Butler W.E.* The Mongolian Legal System: Contemporary Legislation and Documentation. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1982. P. 5–34.

вой трактат «Белая история»⁵. Издан во Внутренней Монголии (автономный район в составе КНР) на старомонгольском языке, но до сих пор, насколько нам известно, не исследован ойратский «Свод законов чуулгана (сейма) Куку-Нора»⁶. Наконец, на сегодняшний день недостаточно подробно исследовано и «Уложение Китайской палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзи-ли»), созданное между 1770-ми и 1810-ми годами маньчжурскими властями специально для регулирования их отношений с монгольскими вассалами и дважды переведившееся на русский язык в первой трети XIX в. Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом) и С.В. Липовцевым, опубликовавшими свои переводы практически одновременно — но по редакциям соответственно 1779 и 1815 гг.⁷

Тем не менее основная тенденция изучения монгольской государственности и права на сегодняшний день состоит в том, что развитие государственных и правовых отношений в Монголии исследуется преимущественно на основе законодательных сводов. Лишь отдельные ученые предпринимают попытки изучения актов текущего законодательства и правоприменительной практики, что позволяет им выявить особенности судебной практики⁸, в том числе с учетом

⁵ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Уложение Алтан-хана — монгольский правовой памятник второй половины XVI века // Правоведение. 2011. № 1. С. 119–139; *Он же.* Закон Хутуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. // Правоведение. 2013. № 1. С. 204–224; *Он же.* Политико-правовые взгляды Хутуктай-Сэчен-хунтайджи (По данным «Белой истории») // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: сб. докладов III междунар. науч. конф. (20–22 апреля 2017 г., Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2019. С. 107–120.

⁶ *Tsengel H.* Kōkebaγur-un čiyūlyan-u čaγaja-yin bičig [The legal Code of Kokenuur League]. Beijing, 2009.

⁷ Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. II. СПб.: Типография К. Крайя, 1828. С. 203–339; *Липовцев С.* Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1–2. СПб.: Б.и., 1828. Пожалуй, можно назвать лишь одно современное фундаментальное исследование этого памятника: *Legrand J.* L'Administration dans la domination Sino-Mandchoue en Mongolie Qalq-a. Version mongole du Lifan Yuan Zeli. Paris: Collège de France, 2018.

⁸ *Носов Д.А., Почекаев Р.Ю.* Рукопись Ц.Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» — источник по истории монгольского права // Б.Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX века: сб. статей. Материалы российско-монгольской науч. конф. (6–8 октября 2014 г., Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2015. С. 146–153; *Они же.* Выписки из законоуложений

влияния цинской правовой и процессуальной традиции⁹, а также разрешения конкретных дел¹⁰, правовой политики империи Цин в Северной и Южной Монголии¹¹. В отдельных случаях вводятся в оборот также памятники народного творчества, отражающие представления монголов о справедливости, праве и процессе¹².

как отражение правового развития Монголии XIX — начала XX вв. (По материалам рукописной коллекции ИВР РАН) // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Материалы II Междунар. науч. конф. (21–22 апреля 2015 г., Улан-Батор). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2017. С. 147–153.

⁹ *Heuschert D.* Legal Pluralism in the Qing Empire: Manchu Legislation for the Mongols // *The International History Review*. 1998. Vol. 20. No. 2. Jun. P. 310–324; *Heuschert-Laage D.* State Authority Contested along Jurisdictional Boundaries. Qing Legal Policy towards the Mongols in the 17th and 18th Centuries // *Max Planck Institute for Social Anthropology Working Papers*. No. 138. Halle, 2012; *Constant F.* Le gouvernement de la Mongolie sous les Qing: du contrôle sur les hommes à l'administration des territoires // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. Т. 97–98. 2010. P. 55–89; *Eadem.* Le droit mongol dans l'État sino-mandchou (1644–1911). Entre autonomie et assimilation. Paris: Collège de France, 2018; *Idem.* The Legal Administration of Qing Mongolia // *Late Imperial China*. 2019. Vol. 40. No. 1. P. 133–173. Halle, 2012.

¹⁰ *Bawden Ch.R.* A Case of Murder in Eighteenth-Century Mongolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1969. Vol. 32. No. 1. P. 71–90; *Idem.* The Investigation of a Case of Attempted Murder in Eighteenth-Century Mongolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1969. Vol. 32. No. 3. P. 571–592.

¹¹ *Понов А.В.* Проблема собственности манчжурских властей на земли казенных пашен в Халха-Монголии в XVIII–XIX вв. // ИИИСАА. 1992. Вып. XIV. С. 168–181; *Он же.* Принципы организации цинского податного механизма в Северной Монголии в XVIII–XIX вв. // ИИИСАА. 1995. Вып. XV. С. 124–141; *Он же.* О принципах демографической статистики в Северной Монголии (XVIII–XIX вв.) // XX науч. конф. по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (6–7 апреля 1999 г., Санкт-Петербург). СПб.: СПбГУ, 2000. С. 121–125; *Он же.* Цинское законодательство XVIII–XIX вв. о разграничении земель северомонгольских аймаков и хошунов // *Вестник СПбГУ*. Сер. 13. 2016. № 3. С. 68–85; *Он же.* Северомонгольские князья и цинские налоги (XVIII — первая половина XIX в.) // *Вестник СПбГУ*. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 436–466; *Erdenchuluu Kh.* The Study of Mongolian Legal History: New Approaches on the Basis of Local Documents // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Материалы междунар. конф. (19–20 апреля 2013 г., Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2014. С. 40–53.

¹² *Носов Д.А.* Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН / предисл., транскр., пер. с монг., примеч. // *Письменные памятники Востока*. 2015. № 1 (22). С. 5–11.

Подобного рода исследования, как представляется, позволяют сформировать куда более полную и объективную картину истории развития традиционной монгольской государственности и права, чем только на основе официальных правовых сводов. Той же цели может послужить привлечение записок иностранных путешественников, которые в разные временные периоды и с разными намерениями посетили Монголию и зафиксировали применение на практике тех или иных политических и правовых принципов и норм, нередко являясь непосредственными участниками административных и правовых отношений.

Как ни странно, но исследователи по истории традиционного монгольского государства и права до сих пор практически не привлекали этот вид источников, хотя они довольно многочисленны¹³. В самом деле, Монголию в течение веков посетили сотни путешественников — русские, англичане, французы, немцы, скандинавы, американцы, многие из которых оставили записки. А широкий круг целей, с которыми они ездили в Монголию (дипломатия, торговля, разведка, духовные миссии, туризм¹⁴) вызывал интерес иностранцев к самым разным сторонам жизни. Невнимание специалистов к этим источникам представляется тем более странным, что история путешествий в Монголию нашла широкое освещение в трудах специалистов. Эти путешествия составляют отдельное направление в общей истории географических открытий¹⁵. Имеются специальные работы,

¹³ Лишь при изучении Монгольской империи привлекались записки европейских и восточных путешественников (Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук, Марко Поло, Ибн Баттута и др.) — и то как источник для реконструкции вышеупомянутой Великой Ясы Чингис-хана, поскольку ее содержание не сохранилось на монгольском языке ни в одном источнике.

¹⁴ О многообразии значений термина «путешествие» в современной науке см. подробнее: *Головнев А.В.* Антропология путешествия: от imago mundi до selfie // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 7.

¹⁵ *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований / предисл. И.П. Магидовича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950; *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. II: Великие географические открытия (XV — середина XVII в.). Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983; *Там же.* Т. III: Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII — XVIII в.). Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984.

посвященные экспедициям в Монголию и пребыванию в ней русских дипломатов, торговцев, ученых и проч.¹⁶ Также довольно многочисленны публикации, посвященные отдельным путешественникам¹⁷.

В какой-то мере настоящая книга имеет целью заполнить этот пробел и ввести в научный оборот записки иностранных путешественников как источник сведений о традиционной государственности и праве монголов. Хронологические рамки исследования охватывают период с XVII в., когда после нескольких веков перерыва (связанного с падением Монгольской империи) в Монголии вновь стали появляться иностранные путешественники, и до начала XX в., когда завершилась зависимость Монголии от империи Цин.

Книга является логическим продолжением монографии, посвященной анализу сведений о государственности и праве Центральной Азии в записках российских и западных путешественников XVIII — начала XX в.¹⁸ Логическим и, можно сказать, необходимым, поскольку Монголия относится к числу наиболее важных в историческом и политическом отношении стран Центрально-Азиатского региона, и анализ ее государственности и права на основе записок путешественников позволяет существенно расширить представления о политическом и правовом развитии Центральной Азии в целом.

Соответственно, во многом данное исследование строится аналогично предыдущей книге: используется та же совокупность методов исследования (преимущественно, критический анализ текстов, сравнительно-правовой метод и системный подход), предлагается анализ

¹⁶ См., напр.: *Шастина Н.П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М.: Изд-во восточной литературы, 1958; *Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные направления и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2006; Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг. / отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2013; *Слесарчук Г.И.* Статьи разных лет. Улан-Батор: Б.и., 2013; *Сизова А.А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: ИВ РАН, 2015; *Юсупова Т.И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018.

¹⁷ См. подробнее: Приложение 2.

¹⁸ *Почекаев Р.Ю.* Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII — начала XX в. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.

традиционных административных и правовых институтов, в конце содержатся приложения — хронология путешествий и биобиблиографический справочник.

Глава I посвящена общей характеристике личностей путешественников и их записок, в ней анализируется и систематизируется их состав по национальной и профессиональной принадлежности, по целям и задачам поездок в Монголию, характеру их сочинений. Такая информация в сочетании с информацией о конкретных путешественниках, приведенной в прилагаемом биобиблиографическом справочнике, позволяет понять, чьи сведения заслуживают большего внимания, а чьи следует воспринимать более критично, поскольку нельзя забывать о выраженной в путевых записках субъективности восприятия иностранцем чужой (и зачастую чуждой) ему цивилизации и культуры, неизбежности сравнения им увиденного за границей с собственной страной¹⁹. Причем порой эта субъективность может быть «двойной»: исходя из особенностей личного восприятия и принадлежности к определенной нации, социальной или профессиональной группе и проч.

Главным отличием этой книги является принцип изложения основного материала: если в первой книге оно строилось по территориальному принципу и анализировались государственность и право отдельных стран и регионов Центральной Азии, то теперь предлагается анализ преимущественно по хронологическому принципу — на основе выделения ряда этапов в истории Монголии XVII — начала XX в. Автор считает такой подход оправданным, поскольку каждый из этих этапов характеризуется определенной спецификой развития монгольской государственности и права.

Глава II представляет собой анализ записок путешественников как источника о государственности и праве Северной Монголии (Халхи) XVII в., когда ее правители еще сохраняли независимость и продолжали применять традиционные институты управления и правового регулирования (многие из которых существовали еще со времени империи Чингис-хана). В то же время кризис в системе властных и правовых отношений делал их владения уязвимыми для экспансии

¹⁹ См., напр.: *Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А.* Травелог — лингвокультурологическая основа образа города и государства // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 128.

могущественных соседей — Московского царства, империи Цин, Джунгарского ханства.

Глава III посвящена сведениям путешественников о государственности и праве Джунгарского ханства — ойратского государства в Западной Монголии, существовавшего в середине XVII — середине XVIII в. Спецификой Джунгарии было то, что в первой половине XVIII в. оно занимало исключительное положение на международной центральноазиатской арене. В то время, когда соседние монгольские ханства переживали серьезный политический кризис и все больше попадали под власть империи Цин, Джунгария не только сохранила независимость, но и сама предпринимала попытки распространения сюзеренитета на соседние владения — причем не только на ханства Халхи, населенные такими же монголами-буддистами, но и на тюркско-мусульманские регионы: Ташкентское владение, Восточный Туркестан, казахские Старший и Средний жузы. Исследователи неслучайно говорят о Джунгарском ханстве как о последней «степной империи», которая сумела объединить под своей властью народы и регионы с разной этнической принадлежностью, языком, религией, хозяйственным укладом и распространить на них единые принципы управления. При этом, во многом опираясь на опыт прежних «степных империй» (в том числе и Монгольской империи), правители Джунгарии в 1710–1740-е годы предпринимали серьезные шаги по модернизации государства и общества, выстраивая дипломатические контакты с соседними государствами, вырабатывая новые принципы власти, управления и правового регулирования, развивая сельское хозяйство, ремесло и даже промышленность. Записки путешественников о политико-правовых реалиях Джунгарии первой половины XVIII в. позволяют представить весьма впечатляющие перспективы дальнейшего развития этого государства, прерванные довольно неожиданным династическим кризисом начала 1750-х годов, которым воспользовалась империя Цин, в конце того же десятилетия разгромившая и упразднившая Джунгарское ханство.

В главе IV дается характеристика записок путешественников о государственности и праве Северной Монголии в XVIII — начале XX в., т.е. в период ее пребывания в зависимости от империи Цин, причем статус монгольских правителей в течение этого периода постоянно менялся — от вассалитета с весьма широкой степенью автономии в XVIII — первой половине XIX в. до фактического подданства

в конце XIX — начале XX в. Длительность этого периода, охватывающего более двух столетий, а также тот факт, что именно в это время Монголию посетило наибольшее число российских и западных путешественников, обусловил проведение анализа их записок по отдельным сферам государственных и правовых отношений: органы власти и управления, статус правителей и духовенства, налоговая система, правовое регулирование хозяйственной деятельности, семейные и наследственные правоотношения, преступления и наказания, суд и процесс. Каждая из них рассмотрена подробно и с учетом изменений соответствующих государственных и правовых институтов на различных этапах пребывания Северной Монголии под властью маньчжурских императоров.

Глава V посвящена отраженным в записках путешественников особенностям развития государственности и права Южной Монголии (современная Внутренняя Монголия — автономный район в составе КНР), которая гораздо раньше (в 1630-е годы) признала власть империи Цин и, соответственно, подверглась большей интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Особенности правового статуса этого региона, а также сравнительно малая степень изученности его государственности и права в Цинский период побудили автора в данном случае отойти от хронологического принципа и посвятить ему отдельную главу.

В заключении подводятся общие итоги исследования и оценивается значение проанализированных исторических памятников как источников сведений о традиционной государственности и праве Монголии XVII — начала XX в.

Полагаем, такое сочетание хронологического и географического принципов построения материала книги позволит понять, что Монголия на каждом этапе рассматривалась как некое единое в политическом и правовом отношении пространство. Особенности политико-правового развития различных регионов Монголии проявлялись еще в XVI в., и в дальнейшем стали настолько значительны, что являлись очевидными и для иностранных путешественников даже при том, что большинство из них не были специалистами по изучению государства и права. Так, Южная Монголия (Чахар, Тумэт, Ордос) испытала более значительное влияние тибетского буддизма и раньше попала под власть империи Цин, соответственно, в ней в гораздо большей степени были распространены маньчжурские принципы управления,

источники права и принципы регулирования отношений не только в публично-правовой (налоги, система преступлений и наказаний), но и в частноправовой сфере (торговые и иные обязательственные отношения). Северная Монголия (Халха), подчинившаяся Цинской империи позднее, в течение длительного времени сохраняла автономию, а соответственно, и традиционные институты управления, источники права и проч. Джунгарское же ханство в Западной Монголии демонстрировало тенденцию к централизации власти и постепенному расширению своего сюзеренитета на соседние государства, народы и регионы. Таким образом, в результате проведенного исследования начинает формироваться своеобразная «правовая карта» Монголии изучаемого периода, которая может оказаться бесполезной как для дальнейшего изучения традиционной монгольской государственности и права, так и, возможно, при выстраивании отношений в самых разных сферах с монгольскими контрагентами из разных исторических областей Монголии.

Написание имен собственных, географических названий и специальных политических и правовых терминов в книге приводится в соответствии с современной монголоведной традицией, исключения составляет лишь их написание в приводимых цитатах.

При проведении исследования автор неоднократно прибегал к консультациям специалистов-монголоведов, а также имел возможность представить промежуточные исследовательские результаты на специализированных научных мероприятиях в России и за рубежом. Таким образом, книга не появилась бы без их поддержки, и автор считает своим приятным долгом выразить благодарность И.В. Богданову, И.В. Кульганек, Д.А. Носову, Т.А. Пан, А.В. Попову, П.О. Рыкину, Т.Д. Скрынниковой (Санкт-Петербург), П.Н. Дудину (Улан-Удэ), В.В. Кукановой (Элиста), К.З. Ускенбаю (Алматы, Казахстан), Х. Эрдэнчулуу (Киото, Япония), а также Издательскому дому Высшей школы экономики в лице Е.А. Ивановой, Е.А. Бережновой и В.Е. Красавцевой — за постоянное сотрудничество и, как всегда, моей семье: жене Ирине, сыновьям Михаилу и Даниилу за их терпение и моральную поддержку.

*Санкт-Петербург,
июль 2020*

Глава I

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XVII — НАЧАЛА XX в. В МОНГОЛИИ И ИХ ЗАПИСКИ

Прежде чем непосредственно приступить к анализу сведений иностранных путешественников о государственности и праве традиционной Монголии, необходимо понять, кем же были эти самые путешественники. Сразу же обратим внимание на то, что национальный состав и социальный статус путешественников весьма существенно менялся в разные периоды истории Монголии и во многом зависел от ее политического положения, равно как и от тех задач, которые преследовали сами иностранцы, прибывавшие в эту страну.

XVII в. стал временем установления и развития отношений Московского царства и монгольских ханств¹. В течение 1610—1680-х го-

¹ В исторической исследовательской литературе еще с XIX в. идет дискуссия о более ранних дипломатических миссиях русских послов в Монголию. Некоторые исследователи упоминают о пребывании русских послов в лагере монгольского хана около 1543 г. (*Банников А.Г.* Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай (Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков). М.: Географгиз, 1949. С. 3), однако никаких подробностей этого путешествия не сообщают. Гораздо больше внимания уделяется вопросу о вероятности первого московского посольства в Китай, участники которого, казацки атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев, якобы в 1567 г. были направлены Иваном Грозным в империю Мин, куда добрались через Монголию. Большинство исследователей, упоминая это посольство, выражают сомнения в его достоверности, см.: *Покровский Ф.И.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914; *Мясников В.С.* Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 146—148; *Филюшкин А.И.* Дойти до Поднебесной: первые русские в Китае // Родина. 2004. № 10. С. 8—12. Да и сообщение о путешествии, якобы составленное самими атаманами (или по их рассказам), больше производит впечатление художественного произведения, нежели реального отчета о дипломатической миссии, см.: Путешествие казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычева в Китай в 1567 году // Ска-

дов значительное число русских дипломатов посетили государства Восточной Монголии (улусы Тушету-хана, Сэчен-хана), а также ойратские владения в Западной Монголии, в том числе Джунгарское ханство². Результаты этих поездок нашли отражение в десятках статейных списков посольств, расспросных речах участников дипломатических миссий и ряде других документов, составленных на основе полученных дипломатами данных³. Кроме того, сведения о Монголии рассматриваемого периода оставили также московские дипломаты, отправленные в Китай с целью установить отношения сначала с династией Мин (И. Петлин), затем — с маньчжурской династией Цин (Ф.И. Байков), путь которых тоже пролегал через монгольские ханства.

Сразу следует обратить внимание на то, что русские дипломаты, побывавшие в Монголии на начальном этапе взаимодействия Московского царства с местными правителями, обладали не слишком высоким статусом и достаточной подготовкой. Соответственно, сведения о государственности и праве монгольских ханств, которые они посещали (или через которые проезжали в Китай), носят достаточно лапидарный характер. Большинство московских дипломатов, посетивших Монголию в этот период, принадлежали к сословию провинциальных служилых людей — детей боярских, дворян, казачьих атаманов и т.д., родом из Красноярска, Тары, Тобольска, Томска и проч. Зачастую они выполняли разовые дипломатические поручения, выступая больше в качестве гонцов или курьеров, передававших послания центральных или региональных русских властей монгольским правителям, а не обсуждали серьезные международные политические и правовые вопросы. Лишь некоторые из них представляли собой исключение, будучи более образованными людьми, имевшими зна-

зания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб.: Б.и., 1849. Т. II. Кн. VIII. С. 178—186.

² В рамках настоящей работы не рассматриваются первые поездки московских дипломатов к ойратам, переселившимся в Московские владения в самом начале XVII в., т.е. калмыков, см. подробнее: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. С. 24—25.

³ *Гольман М.И.* Русские архивные документы по истории Монголии в XVII в. // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. Доклады науч. конф. / сост. И.В. Кульганек; отв. ред. С.Г. Кляшторный. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 96.

чительный опыт государственной службы, — например, Д.Д. Аршинский, Я.О. Тухачевский или Ф.И. Байков. Естественно, таким служащим поручались более ответственные дипломатические задания, что находило отражение и в их записках.

Впрочем, справедливости ради нельзя не сказать, что перед «региональными» русскими дипломатами, совершавшими путешествия в Монголию, и не ставились серьезные стратегические задачи и, следовательно, направлявшие их власти сами не нуждались в знаниях о монгольских государственных и правовых реалиях. Исследователи уже обращали внимание на то, что сибирские администраторы (от которых чаще всего и ездили посланцы к монгольским правителям в XVII в.) не следовали какой-то единой государственной политике, а старались оперативно решать возникающие перед ними текущие проблемы⁴. Поэтому вести серьезную исследовательскую деятельность в отношении соседних народов и государств у них не было ни возможности, ни необходимости. Большинство информации политического или правового характера в записках московских дипломатов XVII в. связано с их личными наблюдениями, действиями, отношением к ним со стороны самих монгольских правителей, чиновников, населения. Наиболее характерным примером являются сведения о налогах и повинностях: о них русские путешественники XVII в. упоминают, как правило, в связи с качеством дорог, по которым они сами передвигались; наличием или отсутствием разбойников на этих дорогах (и отношении к их преступным действиям в адрес русских дипломатов со стороны властей); предоставлением или непредоставлением им провианта, лошадей и проч.⁵

⁴ См.: Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. С. 45–46. Это, впрочем, касалось даже внутренней политики Московского царства — в частности, применительно к Сибири, освоение которой началось в этот период, см., напр.: Слугина В.А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: шертвальные записи и процедура шертования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. С. 15–16.

⁵ Это вовсе не означает, что русские дипломаты не отличались наблюдательностью и в своих записках сосредоточивались исключительно на описании выполнения ими собственных поручений и связанных с ним злоключений. Например, известно, что знаменитый сибирский географ и историк С.У. Ремезов в своей работе «О калмыках» (т.е. ойратах Джунгарского ханства) опирался на записки своего деда Моисея (Меньшого) Ремезова, ездившего с дипломатическим поруче-

Тем не менее мы не вправе игнорировать сведения российских путешественников XVII в. — даже такие краткие и, в общем-то, субъективные. Их систематизация позволяет сформировать определенное представление о политико-правовом развитии монгольских ханств, их внутреннем и международно-правовом состоянии. Тот факт, что сведения путешественников неоднократно дублируются в сообщениях разных авторов, подтверждает их объективность и свидетельствует о непосредственном знакомстве сибирских служилых людей с монгольскими властными и правовыми реалиями рассматриваемого периода.

Первые попытки путешественников описать политико-правовые реалии Монголии без прямой привязки к собственным интересам были предприняты, как ни странно, московскими дипломатами, направлявшимися с поручениями в империю Цин в последней четверти XVII в., когда Южная Монголия уже вошла в состав этого государства, а Северная — сначала *de facto*, а в 1690-х годах и *de jure* — стала вассалом маньчжурских императоров. Именно в процессе переговоров с представителями империи Цин они получали информацию о текущем статусе монголов как вассалов императора, их обязанностях перед сюзереном, пределах полномочий внутри собственных владений и в отношениях с иностранными государствами. Правовые аспекты отношений среди самих монголов этих дипломатов, что вполне понятно, также не интересовали.

Обратим внимание, что среди руководителей и сотрудников таких посольств были не только русские (Ф. Байков, Ф.А. Головин), но и иностранцы на русской службе — молдаванин Н.Г. Спафарий, голландец Э. Идес и немец А. Бранд, выходец из Средней Азии С. Аблин и др., в связи с чем возникает вопрос, в какой степени эти последние могут быть охарактеризованы как русские путешественники. Полагаем, что факт их пребывания на русской службе в период посещения Монголии позволяет считать их таковыми⁶.

ние к джунгарскому хунтайджи в 1640 г., см.: *Гольденберг Л.А.* Статья С.У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // СНВ. 1976. Вып. XVIII. С. 228.

⁶ Единственное исключение из перечисленных иностранцев — уроженец Голштинии Адам Бранд, который покинул Россию сразу после возвращения из поездки в Монголию и Китай (1696) и свои записки об этом путешествии опубликовал уже в Европе.

В XVIII в. ситуация в русско-монгольских отношениях существенно меняется — как в отношении состава путешественников, так и целей и задач, которые перед ними ставились. Это непосредственно отразилось и на содержании их сообщений о монгольской государственности и праве.

Продолжались контакты Московского царства (с 1721 г. Российской империи) с Цинской империей, которая в это время старалась закрепить свой контроль над южными и северными монголами и одновременно урегулировать статус границ с Россией⁷. Соответственно, непосредственные дипломатические связи России с монгольскими правителями прервались: дипломаты взаимодействовали с ними лишь как с представителями цинской администрации, когда проезжали через территорию Монголии. В то же время, в связи с расширением восточных владений Российской империи (укрепление позиций в Сибири и на Алтае, принятие в подданство казахских жузов), российские власти стали активно налаживать контакты с Джунгарским ханством, которое противостояло экспансии империи Цин в Монголии⁸. При этом нельзя не отметить, что несмотря на то, что ойратские правители претендовали на некоторые территории, юридически находившиеся под властью России, в течение первой

⁷ См., напр.: *Красникова О.А.* Установление российско-китайской границы в XVII—XVIII в. и карта Китая, присланная Петру I императором Кан-си (Kangxi) (по картографическим фондам БАН и СПб филиала Архива РАН) // *Россия и Китай: научные и культурные связи* (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: БАН; Альфарет, 2012. Вып. 2. С. 119–128.

⁸ См.: *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. III. М.: Просвещение, 1983. С. 138–142; *Контев А.В.* Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // *Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской* / отв. ред. П.О. Рыкин. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 99–111. При этом, начиная уже с эпохи Петра I, уделялось значительное внимание не только дипломатическим контактам, но и научному изучению территорий, подконтрольных Джунгарии, см.: *Акишин М.О.* Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого // *Paleobureaucratica: сб. статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой*. М.: Древлехранилище, 2012. С. 6–28; *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 234–237; *Задваев Б.С.* Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 12–13.

половины XVIII в. они старались поддерживать с ней дружеские отношения⁹.

И Цин, и Джунгария были заинтересованы в поддержке России в своем конфликте (или по меньшей мере невмешательстве), что стимулировало активизацию их дипломатических отношений с российскими властями разных уровней. Русские дипломаты в таких условиях уже занимались не только передачей посланий от направивших их монархов или региональных администраторов, но и собирали сведения о ситуации в тех землях, куда направлялись, и через которые проезжали. Выбор в качестве дипломатов хорошо образованных людей¹⁰ объясняет, почему даже в отчетах не только полномочных послов, но и простых курьеров (В.Ф. Братищев, сержанты Д. Ильин, Подзоров, Е. Филимонов и др.), присутствуют весьма ценные наблюдения о политической ситуации в Джунгарском ханстве, Северной и Южной Монголии, отдельных аспектах правовой политики ойратских правителей в Джунгарии и Восточном Туркестане, а маньчжурских — в Северной и Южной Монголии. Наряду с дипломатами, занимавшимися сбором сведений о посещенных государствах неформально, в монгольские земли направлялись и разведчики «под прикрытием»: занимавшиеся торговлей — И.К. Резвых, А. Верхотуров, С. Колмогоров, А. Плотников, пограничные чиновники А. Незнаев, Е.Я. Пестерев и др.

В то же время XVIII в. стал временем начала научного изучения восточных владений Российской империи и соседних государств. Соответственно, одной группой путешественников в Монголию становятся профессиональные исследователи — ученые, большей частью приглашенные Петербургской Академией наук из Европы¹¹. Учитывая, что они состояли в течение долгих лет на российской службе (многие даже умерли в России) и совершали свои поездки

⁹ См. подробнее: Кушнерик Р.А. Русско-джунгарские дипломатические отношения: Начало XVII — 50-е годы XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

¹⁰ См. также: Козлов С. Русские путешественники Нового времени: имперский взгляд или восприятие космополита? // *Slavic Eurasian Studies. Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context* / ed. by T. Mochizuki. 2007. No. 17. P. 133–148.

¹¹ См. подробнее: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 25–30, 95–100, 106–108.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru